

Василий ЩЕПЕТНЕВ

Тот, кто не спит.

("Уральский следопыт", 1993)

Колесо "Кировца" на четверть скрылось в колее, прицеп кренился с боку на бок, пытаясь сбросить молочные фляги, по горло утопленные в гнезда-держатели. Целых четыре фляги. Если наполнены доверху, то ферма голов на шестьдесят при нынешних надоях. Восемнадцать километров до центральной усадьбы. И оттуда сорок шесть до районного молокозавода, из них тридцать - грунтовой дороги. Не молоко везут, а белое золото. Бело-голубое - учитывая вклад водопровода.

Петров поправил лямку рюкзака, держался рюкзак ладно, не тревожил, и вернулся на дорогу, на травяной коврик, что лежал меж глубоких колеин, припорошенный серой пылью.

Хорошо, ведро. В дождик не ходьба, а мука. Да и кто в дождь доброй волей путешествует ныне? Он шагал мерно, экономно, а за спиной погромыхивал, удаляясь, молочный поезд.

Из пункта А на север отправился пешеход со скоростью пять километров в час, а на юг - трактор "Кировец" со скоростью в три раза больше скорости пешехода. Через какое время они встретятся, если известно, что встречаться им, вообще-то, незачем? На покосившемся бетонном столбике - заляпанный засохшей, наверное,

д. Глушица

Д - значит, деревня.

Но и версту спуста не было ничего, по сторонам тянулись редкие осины да черные смоленые столбы электролинии по левую руку. Дальше лежали пустые непаханные поля - горючего не хватило, неудобья покупателей ждут, или просто - руки не дошли.

Ферма - низенькая, с "лежачими" крохотными окошками у крыши, когда-то штукатуреная и беленая, безнадежно обростала навозом, который, словно годовые кольца дерева, ведал о былом процветании и нынешней скудости.

Млечный путь кончался распахнутыми деревянными воротами.

У южной стены, в огороженном жердями загоне уныло и сонно стояли коровенки, вяло шлепая хвостами по ребристым бокам.

- Эй, кто живой, отзовись! - Петров глянул в темный проем ворот. Мухи да оводы жужжали в ответ. Он осторожно, выбирая, где ступить, миновал загон и, уже свободнее, пошел к стоящим поодаль избам - и смолоду некрепким, строенным не себе, артельно, наскоро, но странно достоявшим до сегодняшних дней, готовым стоять, пока живет в них кто-то, а опустеют - и рушатся в одночасье.

Калитка в штaketном заборе приоткрыта, крючок мелко качается на ржавой петле.

Гравийная дорожка хрустнула под сапогами. Из хлева хрюкнул поросенок - сыто, довольно. И корову держат - вон лепешка свежая. Пасется, верно.

- Хозяева!

Дверь в сени низкая, смиренная. Стены увешаны снизками резанных яблок, мухи азартно носились над ними, шалея от изобилия.

- Чего надо? - хмурое, заспанное лицо хозяйки выплыло из-под марлевого полога открытого окна.

- Молока не продадите?

- Чего?

- Молочка, говорю, - Петров рассеянно смотрел на огород. Помидоры, подальше - капуста, поздняя картошка, кустики зеленые, сочные. Соток пятнадцать, да прирезанных "указных" столько же.

- Молока можно. Сколько?

- Литр.

- Сейчас, - хозяйка опустила марлевый полог, но шустрая муха успела залететь внутрь. - От заразы, спасу нет!

Петров скинул рюкзак, пристроил на лавке, широкой, почерневшей от старости, сел рядом.

Крынка с устоявшимся утренним молоком, жирным, не пить - жевать впору, припотела снаружи.

Петров хлебнул, остановился, переводя дух.

Идиллия!

Женщина, повеселевшая от движения, а, может, и от денег, которые успела спрятать в какой-то из карманов цветастого фасонистого платья, очевидно лишь недавно переведенного в затрапез, гоняла попынным стеблем мух с сушеных яблок.

- Вы тут по делу или как?

- Гуляю, - Петров опять припал к крынке, припадочный молокосос, в такт с глотками молоко плескалось о стенки, громче и громче, девятым валом норовя попасть в ноздри. Он поспешно отставил крынку. - Гуляю.

- Да где же здесь гулять? Что за интерес? - попынная ветка повисла в опущенной руке, и мухи тотчас вернулись творить непотребство.

- Люблю пешие походы. Дешево и просто, по отпускным, а впечатлений на год хватает.

- Один или с кем идете?

- Один. Сам командир, сам рядовой. В Курносовку добираюсь, там друг в фермеры подался, недельки две поработаю на него за картошечку.

- А где это - Курносовка?

- В Каменском районе, соседи ваши. Разве далеко? - он обхватил крынку за горло - широкое, почти человеческое, прикинул на вес. Третью осталось.

- Так это через центральную усадьбу нужно до Марьино добраться, оттуда в Каменку попуткой, а уж затем в эту... Как ее...

- Курносовку.

- Вот-вот. Дальше ведь дороги нет, на нас кончается, - она хлестнула по стене, попынный цветок, отлетев, упал в крынку и поплыл - серенький крохотный шарик.

- Мне шоссе не надо, я пешком, напрямик, - он допил молоко, попынный катышек попал за губу и пришлось отыскивать его языком, перекладывая на палец и щелчком отправлять на грядки моркови.

- Хрю-хрю, - прокомментировали из сарая.

- Турист! - независимо от поросенка догадалась и хозяйка.

- Угу, - на тыле кисти остались короткие белые полосы. Отпечатки губ так же неповторимы, как и пальцевые.

- Наверное, много интересного видите? - она приняла крынку, невольно покачала, прислушиваясь.

Пусто. Пустенько.

- Нет, не очень. Красивые места попадаются, это да. Я больше для здоровья. Парочку лишних килограммов скинуть, - он встал, примерился к рюкзаку.

- Форма у вас хорошая. В городе брали?

Петров провел рукой по мешковато сидящей, немного запылившейся гимнастерке. На два размера больше. Как и задумано.

- Точно. Старые запасы распродавали, я и ухватил. Хлопок, немаркая, цена малая.

- Я своему тоже взять хотела, у нас записывались, а он отказался. Смешная, говорит. А чего смешного? - она оглядела Петрова. Фуражка со звездочкой, гимнастерка, ремень, галифе, сапоги. Эхо минувшей войны. Реализация невостребованных товаров по социально доступным ценам. Дележ наследства империй.

- Ничего смешного, - подтвердил Петров. - Форма офицерская, пошив сорок восьмого года, проветрил - и носи на здоровье. Практично и удобно.

- В сапогах не тяжело ходить?

- Отличная вещь - сапоги, не кроссовки сопливые. Опять же офицерские, легкие, - он притопнул ногой. - И формы три комплекта взял, две летние и одну зимнюю, полушерстяную, шинель и две пары сапог. Хотел больше, да не дали.

Рюкзак пал на спину рысью, мягко. Сиди-сиди, покатаю захребетника.

- Хутор Ветряк на север, верно? - компас откинутой крышечкой пустил зайчика в другое, затворенное окно и высветил кусок гнутой блестящей трубы. Спинка кровати с никелированными шарами.

- Мимо конторы пройдете, там тропочка есть, прямо-прямо до хутора доведет, - не провожая, хозяйка нырнула в дом.

Петров накинул крючок. Штакетины шершавые, занозистые.

Контора - кирпичный одноэтажный домик, крашенный зеленой краской, полопавшейся и свисавшей лохмотьями. Золушка после полуночи. А иного времени у нее и не было.

Небольшая железная мачта, оборванный тросик спутанным клубком валялся в стороне.

Табличка у мачты: "Наши маяки" и рамка, в которую поместилась бы фотография девять на двенадцать, но никто не потрудился ее вставить.

Перевелись маяки. Вымерли. Как без них в бурном море?

Петров потрогал колесики блока. Прижавели намертво.

Дорога привела к самому крылечку конторы.

Окна тоже - нараспашку, и та же марля вместо занавесок.

Изнутри - редкие удары пишущей машинки.

Петров отвел краешек марли,

В профиль к нему за столом над клавиатурой огромной "Листвицы" колдовала тучная блондинка, давно, впрочем, не крашенная, а глубже, у стены, писала в толстую книгу другая, близняшка первой - те же формы, то же платье,

только волосы подлиннее.

Остальные столы пустые.

Сидевшая за машинкой, наконец, заметила его:

- Гражданин, вам кого?

- Мне? Почтовый ящик, письмецо опустить.

- Ящик сбоку на стене. Почта у нас по четвергам бывает, раз в неделю, раньше не отправят.

- Четверг - хорошо, завтра.

- Ой, правда. Как быстро время летит, Зина. Близняшка оторвалась от писания:

- Вы к нам по делу?

- Не в окошко бы говорил, кабы по делу, - рассудительно заметила машинистка.

- Мимоходом я, - подтвердил и Петров. - Путешествую по кондовой России. А чего это вас, девчата, всего две?

- Заведующий на совещании в районе, Клава в декретном, Нинка тоже, а Мария Ефимовна в больнице на операции, - машинистка подула на указательные пальцы, - Устала.

- Вы, значит, для удовольствия сюда забрели? - Зина казалась суше, строже машинистки.

- И сюда, и дальше пойду.

- Отпускник, наверное?

- Так точно.

- А мы на работе, между прочим.

- Намек понял, исчезаю. Скажите, на хутор Ветряк по этой тропинке идти?

- Правильно, - Зина повнимательнее всмотрелась в Петрова.

- Вы бабы Ани сын или внук будете? - машинистка общалась с Петровым охотнее товарки. Ясненько, пальчики свободные, а у Зины безымянный отягчен шестью, а то и семью граммами высокопробного золота: кольцо-бочонок на треть фаланги.

- Нет, просто ориентир. Я в Курносовку пробираюсь.

- Жаль, - огорчилась машинистка. - Она ждет-ждет, когда за ней родные приедут. Тяжко ей.

- Нет, - повторил Петров и, отпустив занавесь, двинул вдоль стены. За обнаженным из-под штукатурки углом и правда прикреплен был почтовый ящик, синий, с красивым, хотя и облезшим немного гербом. Рядом - плакатик. На грубой желтой бумаге. "Обезвредить преступников". Он вчитался. Разыскивается банда, три человека, описание, приметы... Немедленно сообщить в ближайшее отделение... За информацию, ведущую к поимке - вознаграждение. Фотографий нет.

Петров достал из кармана гимнастерки сложенный пополам конверт, перегнул, расправляя, и опустил в щель. Письмо упало, слышно ударясь о дно. Одно.

Каламбур не веселил.

Деревня Глушица. По данным переписи, бестолковым и путанным, где человек считался дважды - и как житель деревни, и как колхозник к-за "Победа", - деревня насчитывала семьдесят шесть человек обоего пола. За пять прошедших лет не уполовинилось бы население-то. Нинка да Клаша - надежда наша.

На хутор Ветряк вела не тропа - аллея. Старые ветлы, растущие уже книзу, стволы толстые, узловатые, с огромными дуплами, частью и обломленные, торчали к небу иззубренными стволами разорвавшихся гаубиц, из больших превращенные в дряхлые.

Тропка бежала по левому краю аллеи, а правый порос терновником, заползавшим до середины просвета. Петров набрал пригоршню ягод и ел - по одной на каждый десяток шагов, потом - полсотни, а потом и всю сотню. Ягоды, покрытые сизой патиной, вязали рот. Молчание - золото.

Уродился терн, однако.

Солнце поднялось выше и, хотя деревья прикрывали тропу коротенькой тенью, стало жарко. Время большого привала.

Он выбрал тень погуще, снял рюкзак, вытащил камуфляжное полотно, постелил на траву. Сапоги, не купленные, конечно, а заказанные, тачал ас из асов, дорожка мотоцикла - в сторону, портянки - на ветки куста, ремни, гимнастерку, галифе - все долой.

Навернув на себя теплую сторону подстилки, он уснул.

2

Разбитость, слабость, дрожание мыслей - эти обыкновенные последствия дневного сна отсутствовали. Приятно. Но сколько долгих, долгих тренировок понадобилось. За то же время можно выучить китайский язык, северный диалект или пройти полный курс школы игры на аккордеоне - увы, увы, не быть ему "всегда желанным в любой компании", как уверяла реклама самоучителя. Большая растрепанная книжка, мягкая обложка - блондинка с пальчиками, зависшими над клавишами "Вельтмейстера". Валяется где-нибудь на антресолях в коробках нераспакованных вещей.

Он сел, пошевелил пальцами ног. Прекрасно слушаются. Двадцать пять секунд полета, все системы функционируют нормально.

Полета... Если сравнивать, то уж не с космическим, а так, одинокий "кукурузник" вырывает на земляную взлетную полосу. В небесах "Миги", "Миражи", "Вулканы" и прочая элита блюдет весьма вооруженный нейтралитет, и на тебе

- одномоторный самолетишка технологии "рус фанер", видимый всем и вся, готовится, как дон Кихот, ринуться на ветряные мельницы.

Только это не ветряные мельницы.

Да и он не благородный идальго.

Четыре часа пополудни. Прекрасное время. Промышленные потребители электроэнергии отключаются постепенно, и турбины-генераторы отдыхают до вечернего пика нагрузки. Пульс страны приближается к заветным пятидесяти герцам в секунду ровно, давая надежду, что больная выкарабкается из кризиса.

Он попрыгал по траве, разминаясь, и начал одеваться. Или правильнее - облачаться? Рядиться?

Шматок сала, кусочек хлеба, крохотная луковичка - обед. О бедном гусаре замолвите слово...

Он вытер крошки с подбородка, вытряс подстилку и, сложив тщательней, чем парашют, поместил в специальное отделение рюкзака. Они все специальные - отделения, карманы и кармашки, для средства "реди", моет руки без воды, для аптечки, жестяных колокольчиков и стеклянных бус - меновая торговля с туземцами и проч., и проч., и проч.

Что рюкзак полегчал, незаметно, хотя хлеб, сало и лук перемещены из него в желудок. Двести граммов. Тысяча сто килокалорий. Можно вскипятить ведро воды.

Тропа покинула аллею, стала забирать вправо, терновые кусты расступились, выпуская, он последний раз набрал ягод, на память о старом тракте, и хватило памяти на час пустоши. Тропа видна плохо, стирается от времени, ползучие побеги трав сшивали ее края.

Солнце светило в спину, и видно было далеко, ясно. Буйная, совсем одичавшая лесополоса шла поперек поля, начинаясь и кончаясь за горизонтом, каждые полкилометра прерываемая короткими просветами, оставленными для дороги, по которой полторки возили бы стопудовые урожаи на разукрашенную флагами весовую.

А и возили - наперегонки, состязаясь с соседней бригадой, на ходу, за баранкой подсчитывая тонны, километры и литры, загадывая, что привести из города, куда, как победителей, пошлют лучших из лучших на выставку.

Других полос, перпендикулярных становой, раз - и обчелся. Не успели насадить? Три П. План преобразования природы.

Тропа прошла сквозь полосу, теплую, порозовевшую под низким солнцем. Дубы насажены тесно, доминошными пятериками. Теория внутривидовой помощи. Дружная сплоченность коммуналки.

Шел бесконечный раунд схватки - кто сильнейший, кому жить. Деревья душили друг друга, уродуя и уродуясь сами. Если заснять жизнь лесополосы во временном масштабе минута - год, фильм получится не для слабонервных. Куда кэтчу и кикбоксингу.

Но листья шелестели мирно, разуверая в самой возможности вражды и недоброжелательства.

За лесополосой - та же пустошь, невысокая чахлая трава. Холодная земля. Скупая.

Хутор оказался большой бревенчатой избой-пятистенком, с амбаром, хлевом, парочкой косых сараюшек, летней кухней под навесом, банькой, клозетом. Повыше, шагах в тридцати - журавль колодца.

На длинном ремне, привязанном к вбитому в землю железному колышку кругом, выстригала траву коза, а маленькая козочка, свободная и вольная, бегала рядом, как цирковая звездочка, бодая невыросшими рожками невыстроенный барьер арены.

Вытягивая ведро из колодца, он вздохнул. Водичка стоит больно высоко, придется обеззараживать. Где вы, прозрачные ключи?

- Милок! Эй, милоч! - ведро едва не сорвалось вниз. Он оглянулся.

- Ты колодезную воду не пей! - ну, если это одинокая баба Аня, то не такая она и старенькая. За шестьдесят, правда, но жизненной силы на двух тридцатилетних хватит.

- Что так? Теленочком стану? Хуторянка, не сходя с крыльца, замахала руками:

- Гнилая она. Иди сюда, у меня вода криничная, а колодезная только на стирку годится, да на полив.

Он подошел. Огород маленький, но ухоженный, сорняков не видно. Зато цветочки - от табака до георгинов. Красиво.

Хуторянка спустилась навстречу, подошла к летней кухоньке, открыла большой, литров на пятнадцать, металлический бак-термос, зачерпнула висевшей на гвозде кружкой:

- Пробуй!

Петров пригубил. Вода и вода. Холодная. Сейчас вкуснее станет.

Он скинул рюкзак, вытащил плоскую фляжку:

- Монастырский бальзам, - плеснул совсем немного, с чайную ложечку, и коричневый дым за клубился, расплываясь по кружке.

- Хотите?

- Не, стара я бальзамы пить.

- Уж и стара, - Петров покачал кружку. Коктейль "походный криничный". - Лет шестьдесят?

- Семьдесят один! - гордо ответила хуторянка.

- Не страшно одной на хуторе?

- Бог от болезней боронит, руки-ноги служат. Опять же из района нет-нет, да и навестят, из собеса.

- По этой тропке? - он отпил желтоватую смесь. Ничего букетец, терпимо.

- Ты, милоч, из Глушиц пришел?

- Так точно.

- А если из Богданова, центральной усадьбы, то прямая дорога есть. В сухую погоду доезжают. Хлеб привозят на месяц, крупу, керосин, уголь на зиму. Мне, как воевавшей, положено. Сам-то что здесь потерял?

- Турист. Люблю тишину.

- Ты садись, сидя пьется лучше, - она пододвинула табурет. - Тишины здесь полно, мешками бери.

- Воевали, значит?

- Снайпером была, женский снайперский отряд Чижовой, слышал? Двенадцать правительственных наград имею! - бабка села напротив, через узкую деревянную столешницу.

- Бак, поди, тяжело таскать? - Петров кивнул на термос.

- Тележкой что хочешь свезешь.

- Далеко криница-то?

- Посмотреть желаешь? Посмотри. От века вода течет, не кончается.

- Если дальше пойти, на восток, - Петров показал рукой, - есть путь?

- Какой путь, - покачала головой старушка. - Раньше колхоз был, верстах в двадцати, да давно распустили.

Стариков по интернатам, молодые сами о себе позаботились. Глухомань одна.

- А еще дальше?

- Не знаю, врать не хочу. Говорят, колония после войны открылась, для убийц. Еще вроде военные, вертолеты

порой подолгу летают, тренируются. Внизу-то ничего нет, свалятся - беды не наделают, разве на меня, старую, упадут, так и то польза выйдет, - она усмехнулась.

- Спасибо за водицу, - Петров поднялся. - Перегон до ночи отмахую.

- Где же спать будешь? - хуторянка поправила платок на голове.

- Палатка в рюкзаке, - он пошел по тележному следу.

Одной водой и угостила. Ни огурца с грядки, ни хлебушка. Времена строгие. Близка ночь - гостя из дому прочь.

След огибал невысокий пригорок. Вот и криница. Вода небойкой струйкой лилась из чугунной трехдюймовой трубы и сбегала вниз, прослеживая на сотню метров высокой зеленой травой. Не получилось Волги, одинока ручей, а нынче не время одиночек. В случае чего - сидеть в общей камере.

Он пил воду до бульканья в животе, зубы ломило от стылости, потом отошел в заросли травы.

Фонтаном изверглась вода, едва замутненная остатком обеда.

Опять и опять он пил и извергал ее, составляя в уме задачу про бассейн, в который в одну трубу вода вливается и выливается, а зачем, спрашивается? Хатха-йога, подражание тигру. Очищением желудка добиться кристальности помыслов.

Ладно, достаточно, довольно.

Он поднялся на пригорок, на самую его вершину. Солнце сядет скоро, а до синей полосы посадки - топтать и топтать.

Под ногами - чернота старого, давно паленого дерева. Ветряк стоял тут, на вершине, от него и назвали хутор. Когда сгорел? И почему? Не пожалел немецкий летчик зажигалку или свои, отступая, уничтожили на страх агрессору?

Петров пригляделся к редкому, чахламу кустарнику. Лет сорок прошло с пожара, сорок пять. Дружно горело, знатно, далеко светило.

Под гору ноги несли сами, успевай переставлять. Выйдя на равнину, он удержал темп, трава стегала по голеницам сапог. Дорога скорее угадывалась, относясь более к истории, чем дням сегодняшним - пониже трава, иначе пружинит земля, и вдали - просвет лесополосы меж рдеющих верхушек деревьев.

Солнце сменил месяц, половинка орловского хлеба, измятый, истыканный вилкой, а то и пальцами привередливых покупателей.

Когда до посадки осталось километра два, Петров вытащил из кармашка рюкзака баллончик, побрызгал на землю. Дезодорант, полезная в путешествии вещь. Имеет изысканный, нежный аромат, таинственный, как сама ночь...

Он свернул с дороги, пошел под углом, вспоминая значение тангенса сорока пяти градусов. На середине гипотенузы опять sprysнул след, и третий раз - заходя в посадку.

Света месяца едва хватило, чтобы выбрать подходящее местечко, закрепить меж близ стоящих стволов гамак, у головного края подвесить рюкзак, у ножного - сапоги. Тарзан из племени северных короткошерстных обезьян.

В животе заурчало, болезненная спазма скрутила - и отпустила. Помог бальзам да промывание желудка, иначе несло бы, как паршивого гусенка.

Он немного прошел, прогуливаясь, вдоль полосы, глядя на уходящий месяц. Пора за ним, на боковую.

Он вернулся к своему гнезду, забрался в гамак, укрылся с головой полотнищем.

Издали донесся протяжный вой. Унюхал выжлец плоды химизации, тяжело его хозяевам придется. И верно: человеческий крик, истошный, пронзительный, пересек поле, за ним - два выстрела.

Петров вслушался. Неясные, заглушенные расстоянием ругательства, стоны. А вы как думали, ребятки? Турист нынче пошел ушлый, запросто не возьмешь!

До рассвета - три с половиной часа. Вполне достаточно, чтобы отдохнуть, если уснуть сразу.

Но не спалось.

3

Утренняя птичья истерика бодрит сильнее кофе.

Петров, лежа в гамаке, завтракал, попеременно прикладываясь к тубу с сыром и пластиковой бутылочке с тоником. Почти космонавт почти в космосе.

Сороки верещали, обсуждая свои внутренние дела. Чужих двуногих бескрылых поблизости нет.

Он откинул полотнище и стал медленно спускаться на землю. Какой Тарзан, смешно, желтый земляной червяк в период линьки, старая кожа сошла, а новой - не оказалось.

Утро росистое, ночь все слезы выплакала. Босиком по траве, и ноги чистые-чистые. Кто моет ноги по утрам, тот поступает мудро...

Он прикрепил кобуру к ремню, вложил пистолет. Балласт, гарантирует остойчивость и безопасность. И рюкзак полегчал, скоро вверх тянуть будет.

Он оглянулся на лесополосу, на темный след пролитой росы. И собак не требуется.

Вторая гипотенуза вернула на дорогу. Построение конгруэнтных фигур как условие совершенствования землепользования Древнего Египта.

Роса сохла быстро и к следующей поперечине посадки исчезла. Деревья разрежены кустарником, обильно, пенно нахлынувшим в проход стопудовых урожаев. Тихие, спокойные кустики. Пичужки попримолкли, зной. Воздух у горизонта дрожал, сгущаясь до плотности силикатного клея. Не увязнуть бы в этом клее. Если дойдет. Ведь далеко. А до прохлады под сенью дерев и кустов - метров триста. Дистанция эффективной стрельбы из автомата.

Петров упал в траву - плавно, удобно, освободился от рюкзака и, устроив его на предплечье, пополз. Со стороны посмотреть - дурак дураком. При условии, что никто со стороны не смотрит. Если смотрит - не дурак, а предусмотрительный, осторожный человек. Но если никто не смотрит, то тоже ведь не дурак. Имеет право передвигаться любым доступным способом.

Впрочем, словесная эквилибристика ни к чему: со стороны его видно быть не должно. Разве сверху.

Он глянул в белесое небо. Птица. Треугольный вырез в хвосте. Ястреб, коршун? Забыл. Высматривает слепыша, мышшь полевую, мало ли добычи на тысячах гектаров?

Петров приложил ухо к земле.

Если держать его так долго-долго, оно пустит корни и примется. Спасает только срочная гильотинная ампутация,

осужденная Господом нашим, Матфей, двадцать шестая глава, стих пятьдесят второй.

Он переместился в сторону, опять прислушался. Будет, довольно.

Петров встал, побрел к застывшему терновнику. Колючий, цепкий, не разгуляешься. Совершенно непригодное для засад место. Зря ползал, пачкал и мял еще вчера браво сидящую форму.

А, может, и не зря.

Он успел пройти четверть часа новой пустошью, когда позади, из покоренной посадки, но в километре от прохода показались конные. Двое. Странно. А на слух - три лошади по меньшей мере. Одна - для него? Заботливость умиляет до слез.

Он бежал назад, в кустарник, стараясь не споткнуться о вспучившую вдруг кочками землю.

Лошадь под первым всадником поскакала резвее, второй, напротив, поотстал, дожидаясь третьего, видно, старшего, лишь сейчас выехавшего в поле.

Понадеялся на заботу и ласку. Жди, сейчас приласкают.

Всадник все ближе. Дурашка, думает - страшный.

- Стой! Стой, говорю, - и застрочил из автомата, стараясь отрезать Петрова от посадки.

Не зря автоматическое оружие разминулось с кавалерией. Стрелять на скаку из автомата, да из какого автомата! Нет, поспешил с выводами: строчка второй очереди пролегла совсем рядом.

Петров остановился, выхватил пистолет.

В случаях неясных и запутанных следует полагаться на классовое чутье. Конный пешему не товарищ. Все мы немножечко лошади, каждый из нас по-своему... - третья очередь явно шла поперек Петрова, и, обрывая ее, он выстрелил.

Смолк автомат, и лошадь, проскакав совсем немного, остановилась, увязнув в густом полуденном зное.

Отставшие всадники направили коней в поле, прочь. Аллюр три креста, галоп. Трусоваты оказались. Или этот - их ударная сила, а они начальники, командир да комиссар?

Петров высвободил ногу убитого из стремени, и тот сполз наземь.

Штатская, гражданская одежда вневременного покроя, брюки да рубашка, изрядно поношенные. В карманах - кисет с самосадам да сложенный в несколько раз обрывок газеты. Бумага старая. А спичек нет.

Он прошел по следу коня - мерина, если для протокола. Налетят в чистом поле - кто? откуда? - поди, догадайся.

Ствол автомата горячий. Ни следа ржавчины. Не новый, но вполне добротный пистолет-пулемет Шпагина. Диск опустошен наполовину, его, Петрова, пуля так и не вылетела. Ремень брезентовый, потертый.

Он направил ствол в небо и выпустил длинную очередь. Конь и ухом не повел.

Улица курковая, улица штыковая, и пороховая, и патронная...

Он шел, закидывая в посадку части автомата. Неполная разборка, курс молодого бойца.

Шорник, что сбрую ладил - последователь Собакевича. Грубо, но прочно.

- Ну, Сивка, гуляй, - он шлепнул коня по боку. Тот охотно зарысил вслед далеким всадникам.

И пешком дойти можно. Сапоги казенные, больше стоптал - больше усердия выказал. Верой и усердием все превозмочь удастся.

Всадники исчезли в жарком мареве, не доскакав до горизонта. Овраг. Олений лог, как значится на старых, дореволюционных картах. Если правее забрать - попадешь в деревню Староскотинное, где гувернанткой при барских детях служила известная дама-романистка. Сестричка Бронте? Нет, те, бедняжки, не вкусили России.

Деревня открылась вдруг: миновал редкий кустарник и вот она, вся туточки.

Повыше, на юру - господская усадьба, а в низине - крестьянские избы.

Жарко, должно быть, горели.

Он ходил среди черных плешин, отдельные былинки не могли затянуть их, мало времени прошло. Сорок девять лет - ничто на геологических часах.

Даже раскатанные бревна выгорели дотла, не оставив и щепы, огарка. Бросьте спичечный коробок в мартен - примерно похоже.

Петров дошел до каменного дома. Когда-то двухэтажный, свысока глядевший на подлые избы, он и получил больше - хотя куда уж больше. Стены - толстые, сложенные на века, уцелели едва выше колена, остальное смело, будто городошная бита угодила в "бабку в окошке".

Он прошел в сторону рассыпанных осколков дома. Копоть горелого дерева на остатках штукатурки, прилепившейся к красным звонким кирпичам; часть лестничного пролета, странно лежавшая шагах в ста, уже на склоне юра, ступени покрыты небесно-голубой лазурью - это расплавленные медные прутья пропитали мрамор ступеней, а дожди превратили короткий блеск медного золота в ровную, приятную глазу ярь.

Эпицентр взрыва - к северу. Петров сверился с часами. Четырнадцать сорок. Шестьсот семьдесят микрорентген в час. Суммарная доза - двадцать две сотых биологического эквивалента рентгена. Сушья безделица.

Он вытащил аптечку, достал пенал с большими желтыми таблетками. За маму, за папу.

Угол дома отбрасывал тень - густую, почти черную. Место наибольшего сопротивления, стены здесь сохранились по грудь. Невзрачное, но удобное для привала место.

Скромный обед, шесть перемен. Карта вин: каберне, виноградник Ваду-луй-Воде, урожай семьдесят восьмого года, кагор Чумай восемьдесят четвертого.

Низкий рокот с запада, со стороны пройденного пути. Два вертолета, зеленые, краснозвездные, кружили в небе, вынюхивая след. Обещанная войсковая часть. Правда, в штабе округа о ней никто не знает.

Ищите, голуби, ищите.

Он укутался камуфляжным полотнищем, лег у стены. Послеобеденный отдых как причина сокращения сферы влияния Испании на рубеже семнадцатого и восемнадцатого веков.

То Испания, а то - Россия.

Вертолет шел совсем уже низко, черная пыль за клубилась над старым пепелищем, и летчик поспешил набрать высоту.

Молодец.

Петров прикрыл лицо краем полотнища. Как хотите, а соснуть полчаса - отличнейшее дело. И для пищеварения польза неоценимая.

Он дремал под шум винтокрылых ищеек, они превращались в зеленых мух, сдуру залетевших в комнату и отчаянно кидавшихся в стороны, надеясь обрести былое небо, ветер и навозную кучу. Липучки на вас нет - широкой желто-коричневой ленты, цепляемой рядом с лампочкой. Сядет на нее муха и приклеится всеми лапками, сколько бы их не было - четыре по Аристотелю, шесть - по школьному учебнику или восемь-десять-двенадцать, попадающихся любопытным натуралистам наряду с многоногими жеребьями в некоторых местах нашей необъятной Родины.

Пробуждение прошло под аккомпанемент воробьиной драки - из-за кусочка бутерброда, расточительно оставленного на салфетке. Пока двое наскakивали друг на друга, появился, как обычно бывает, третий, ухватил клювом спорный кусочек и полетел, стараясь удержать равновесие, а драчуны поспешили за ним, объединенные жаждой справедливости.

Вертолеты стрекотали далеко, у горизонта. И не надоест?

Он причесался, оглядел себя, прихорашиваясь, салфеткой прошелся по сапогам. Нет, адъютант его превосходительства не получится. Слишком много пыли, неглаженное, щетины на щеках. Поле не штаб, не способствует блеску. Обошли с победой мы полсвета, если нужно, повторим, солдаты, в путь, в путь, в путь...

Он спускался с возвышенности, порой потревоженные камешки скатывались по склону, но, встретив неровность, стебелек травы или другой камешек, останавливались. Какая малость нужна, чтобы удержаться...

Староскотинное осталось позади. Два часа буераков - и вот впереди новая посадка. Зеленая. Невысокая. Молодая.

Он подошел поближе. Лет двадцать дубкам, не больше. Деревья посажены ровно, рядами, в середине - широкий проход, утоптаный копытами. Лепешка конского навоза - старая, трехдневная. Питаются кони скудно. А с той стороны что?

Поле, просторное, ухоженное. Порубленный осот жух на солнце, а цепочка полеводов, расставленная через рядок, шла навстречу, пропалывая кормовую свеклу, буряк. Тяпки, тяжелые, треугольные, поврозь взлетали и падали вниз, подрывая сорняк и рыхля землю. Аккуратно работают, не спехом, а женщина на краю, в красной косынке, успевает и свой ряд полоть, и замечание сделать - звеньевая, видно. Три человека из семерки - мужчины. В диковинку у нас.

Он вышел на идущую вдоль поля дорожку - неширокую, с глубокими узкими следами подвод.

- Здравствуйте!

Тяпки железными головами уткнулись в землю, спины распрямылись.

- Не признаю вас что-то, - звеньевая уголком платка промокнула лоб. Остальные переводили взоры - с него на звеньевую, со звеньевой на него. Запарились здорово... Одежда - то же "наследство империи" - галифе да гимнастерка, на женщинах - форменные юбки, но все старое, застиранное до седины. И обувь - лапти. Оно и лучше, нога дышит, но - непривычно.

- Не признаю, - повторила звеньевая.

- Да мы с вами незнакомы, я впервые в этих местах. В Курносовку иду, да с пути, боюсь, сбился. Куда прибрел, не подскажите?

Лицо звеньевой, миг назад усталое и смущенное, построжало, закаменело.

- Какую Курносовку? Не знаем никакой Курносовки. Идете - и идите себе, не мешайте трудиться, - говор вязкий, с двойными ударениями в длинных словах. Она склонилась больше прежнего, лезвие срезало бок буряка, и, не дойдя рядок, звеньевая перешла на новый, а за ней и все звено.

- То не бригадир ваш? - Петров указал на всадника, показавшегося на краю поля.

Звеньевая обернулась, закричала обрадованно:

- Степан Матвеевич, сюда, сюда, кормилец! Но всадник - будто и не слышал.

Тяпки вновь заклевали, люди быстренько-быстренько двинулись вглубь поля.

- Чудаки! - Петров пошел по прополотому рядку. Не так чисто и пололи, на троечку, не больше, даром, что бригадир конный и при нагане. Насчет нагана - это догадка. Далеко.

Петров остановился, повернулся. Метров двести прошел, а бригадир проскакал всю версту. Преимущество коня перед офицером в закрытых позициях любил доказывать предок, даже в учебник внес сию мудрую шахматную мысль.

Бригадира окружили, звеньевая вяло жестикулировала, а тот, потрясая револьвером (наган, наган!) убеждал ее так и растак.

Убедил.

Всем звеном, женщина в красной косынке впереди, они потрусили к Петрову.

- Стой! Стой, вражина!

Выстрелом вверх голов бригадир поддержал товарищей.

Бегающие приободрились и, подняв тяпки, подступили к Петрову.

- Ложись на землю, вниз лицом! - скомандовала звеньевая.

- Вы что, перегрелись? - дыхание у всех короткое, запаленное. А бежали - пустяк.

- Ложись! - и, замахнувшись тяпкой, она шагнула к Петрову.

- Глупая баба! - он легко вырвал тяпку из рук женщины, но тут, загалдев, на него накинлись и остальные.

Даже грустно. Шел человек, гулял, и на тебе! Гуртом налетели, сельскохозяйственными орудиями машут до свиста, а угоди, например, в голову? Но хлипкий народ, жидкий, откуда и злость. Ничего ведь плохого сделать не хотел, разве поучить, вразумить малость, чтобы вдругорядь вежливее были, а они от любого удара с ног - брык! И лежат, уткнувшись в землю. Последняя баба, не сводя с него глаз, пыталась поднять выбитую тяпку.

- Ладно, ладно, - он легонечко вытянул ее вдоль спины, а та, как картонный солдатик, завалилась на бок и затихла.

Он наклонился. Зажмурясь, та закрыла лицо локтем.

Ясненько.

Он осмотрел тяпку. Ручка гладкая, отполированная мозолями, а железная часть - грубой, неряшливойковки.

Всадник скрылся в посадке, топот быстро затих за зеленой стеной. Хорош. Люди, как порубленные, землю устилают, а бригадир, нет, кормилец - симптомчик! - деру. А куда?

Мужичок, упавший неловко, тихонько зашевелился, меняя позу. Невмоготу, раз на такой риск идет.

Петров деликатно отвернулся.

Синдром опоссума. Полеводческое звено опоссумов. Опоссумизация поведения как реакция адекватного ответа на внешние раздражители в сельских местностях северо-восточного Нечерноземья. УДК 615.5.006 - 666. Берете тему, коллега? Ученый совет через две недели, готовьтесь к утверждению и включению в план.

Люди лежали смиренно, не решаясь очнуться от глубокого беспамятства. Кого, интересно, боятся больше? Друг друга?

- Столбняк не подхватите, - Петров бросил тяпку и пошел, не оглядываясь, по полю. Гектаров сорок полюшко.

Второе поле - под паром. Пахота неглубокая. Примечай, примечай... И навозца - кот накакал.

Зато посадки - регулярные, здоровые, сухостой вырублен, сучьев, валежника нет и в помине, подчищено. Аккуратные квадратики километр на километр. Рожь, ячмень, даже гречиха ~ мечта горожан. Дважды Петров видел поодаль маленькие, по пять-семь человек, группки, работавшие бесконечную полевую работу, при его появлении на миг распрямлявшиеся, а потом еще усерднее возобновлявшие труд. Ну их. Пусть стараются.

Полевая дорожка, серая, растрескавшаяся земля, прямая, прочерченная по линейке, с крохотными царскими уклонениями, постепенно становилась шире, заезженнее.

Из посадок порой долетало конское ржание, топот. Почетный невидимый эскорт. Уланы с конскими хвостами, драгуны...

Поля кончились, дорога привела в светлую березовую рощу, совсем крохотную, ветроград.

Деревья расступились. Вот и она - затерянная деревенька Гайдаровка, Мало ли их, заброшенных, "неперспективных", разваливающихся, рассыпано по России?

Но эта - особенная.

Вечерело. Роща стояла выше деревни, и та была - на ладони. Три барака, составленные "покоем", крохотная пекарня, кузница, дальше - конюшня, конторское здание, сараи...

Карта не соврала - сделанная по спутниковым снимкам в одной внезапно дружественной стране. А на отечественных... Два соседних района разбухли, растянулись и покрыли собой третий, маленький и забытый в чехарде укрупнений, разукрупнений и переименований волостей, уездов и губерний. Нет здесь ничего. Нету-ти. Очень черная дыра.

Жизнь не кипит. Малоллюдно, пусто, лишь от колодца к бараку сновал человечек, носил ведро за ведром, выпаивая унылое строение. Пятое ведро, шестое... Дневальный, надо понимать. А остальные - в поле?

Стук молотка, зуд пилы доносился с тока. Готовятся к страде, ремонтируются.

Наособицу, починком - беленая хата. Большая, высокая, а окна - что в трамвае, одно к одному лепятся.

Опушкой Петров шел по роще, подбираясь ближе.

Сбоку от входа - вывеска: "Школа номер один". Угадал, помнит сердце первую любовь.

Частый легкий топот - и с крыльца сбежал мальчишка:

- Рапортует дежурный по школе номер... - но осекся, глаза забегали неуверенно. Короткие штанишки на косой, через левое плечо, лямке и серо-зеленая майка в крайней стадии ветшания. Цыпки на руках матерые, почтенные, а подошвы - в огонь и в воду!

- Не признаешь? - Петров потер щеку. Непременно следует побриться.

- Нет, - честно ответил мальчишка. - Вы пароль назовите.

- На горшке сидит король, - Петров встал у колодца, стянул гимнастерку, майку. - Сперва воды полей.

Мальчишка замороженно смотрел на мыло, крохотный овальный брусочек "Туриста".

- Лей, не жмись!

- Вы настоящий пароль назовите!

- погоди, не все сразу, - новый "Жиллет" лихо расправлялся с двухдневной щетиной. Вжик, вжик, уноси готовенького...

- Вы инспектор, дяденька? Из Большой Дирекции? - прописные буквы сами обозначились, сумел сказать малец.

- Нет, не инспектор, - Петров встряхнул станок, помахал в воздухе. Нечего сырость в рюкзаке разводить. - И паролей я не знаю. Зачем мне пароли?

- Их только шпионы не знают. Вы засланный, да? - мальчик побледнел, а и без того румяным не был. Гипотрофия первой степени. Метр с кепкой, ребра просвечивают, глаза щурятся близоруко.

- Тебе сколько лет?

- Десять, а что?

- Очки почему не носишь?

- Вы точно шпион, дяденька! Под нашего ряженный, а сам - засланный, - мальчишку колотило от волнения. Решился на Поступок - опять же с большой буквы. - Какие же очки, когда война кругом!

- Пацан, это школа для нормальных или как?

- Трудовая школа, самая лучшая, - обиделся вдруг мальчик. - Если вы сейчас же пароль не скажете" я Ниниванне докажу!

. Станок высох, можно прятать. А мыло смылилось напрочь, жесткая вода, прожорливая.

- Докажьвай, коли доказчик. Где она, Ниниванна?

- На школьном участке, где же ей быть? Так я побегал... - угрожающе протянул мальчик, надеясь, что вот-вот передумает этот дяденька, окажется инспектором и похвалит за зоркость и бдительность.

- Ты в каком классе учишься?

Вопрос снял последние сомнения, и он побегал, сначала быстро, семеня ногами-спичками, а потом, ухватясь за бок, перешел на шаг, и полу-пехом-полубегом скрылся в роще.

Петров поднялся по ступеням. Мокрый блестящий коридор, с ведра свисала тряпка, полы мыл пацан, дальше - бак с краником, а рядом мятая алюминиевая кружка. Полуприкрытая дверь вела в класс - три ряда эрисмановских парт,

черная крашенная доска, глобус, несколько таблиц.

Он вчитался. Никакой пропаганды: примеры на сложение, правописание жи-ши и круговорот воды в природе.

Единственная чернильница гордо украшала учительский стол. Ручка конторская, с пером "звездочка". Он обмакнул ее. Чернила старые, тягучие. Как насчет классного журнала? Не найти. И парты пустые, ни учебников, ни тетрадей. Лето, каникулы...

Он вернулся в коридор. Наверху, в потолке - открытый люк, ход на чердак, а лестницы нет. Не вводить сорванцов во искушение, в его школе было так же. Метра четыре высота, не допрыгнуть, не кузнечик.

Припасенная "кошка" зацепилась прочно, и Петров, подтягиваясь на руках, полез вверх по узловатому шнуру. Человек-паук, смертелен для мух.

Да, чердачок - что глупая голова. Пустой-пустой. В его школе чердак был забит - старые тетради для контрольных работ, учительские планы, отмененные учебники, стенные газеты, колченогие стулья, творчество юных техников - и не перечислить. А здесь - одна пыль. Нет даже птичьего помета, а окошечко на крышу открыто.

Он устроился на балке. Не осыпать потолок ненароком.

Высокий писклявый голос доносился снаружи:

- Одет инспектором, сразу и не отличишь, умывается с мылом! - Петров начал привыкать к местному говору.

Из рощи в окружении двух десятков разновеликих детишек шагала сухонькая старушка. Учительница?

- Ты его хорошо рассмотрел, Витя? - она спрашивала спокойно, неторопливо, как и шла -

классная дама, выгуливающая младых институток.

- Вот словно вас, Ниниванна! Выхожу из школы, а он стоит, высматривает и карту рисует (а и соврал, малец!), меня увидел - с расспросами подкатываться стал, под простачка подделывается, сколько, мол, лет, не хочу ли сахара (ай, вруша!).

- Наверное, это и не шпион вовсе! - перебила Витю девочка, первая ученица, видно - тон больно уверенный, непререкаемый, - ты ведь известный обманщик!

- Брехло он! - поддакнул подлиза.

- Как же, не шпион! Скажите ей, Ниниванна! Пароля не назвал - раз, борода растет - два, и спрашивал, в каком классе учусь - три! Не шпион...

- Борода и у наших людей бывает, вон, у Толькиного отца, - не сдавалась отличница.

- Не спорьте, - уняла страсти учительница. - Витя поступил правильно, каждый должен брать с него пример. А сейчас марш в класс.

Заскрипели половицы, захлопали крышки парт.

- Тишина! - приказала старушка. Дисциплина - римская, муравей проползет - услышишь. Петров застыл на балке. Замри-умри-воскресни.

- Витя, Семен, и ты, Валентин! Отнесете записку в правление, вахтенному. Старшим назначаю Валентина. Ясно?

- Ясно, Ниниванна! - и три пары босых ног прошлепали по невысохшему коридору.

- Короткая перемена, - объявила учительница, и словно включили звук:

- Васильчиковым разрешили силки ставить неделю, повезло Сеньке!.. Приходи вечером, в шашечки поиграем... Не завидуй, из рогатки настрелять можно - будь-будь!.. (Неправда! Я лопухи не трогал! Это Венкина сестра их выкопала, даром дура. Я и заявить могу!.. Глупый! От детей на детей заявления не принимают... Не, хитренькая! За мелок перышко давай!..) Зачем Маньке лопухи копать? Ихняя мамка юрода родила, два куля муки получают, счастливые!.. Значит, надерешь у Звездочки из хвоста волос и принесешь. Я лесу сплету, рыбалка пойдет мировая!.. Юрода-то держат еще?.. Не-а, сразу в больницу взяли, а оттуда в Москву. Там их в человеков вырастят... Вечером шли они с дальнего поля, темь непроглядная, все раньше ушли, а они за старое полнормы отработывали и припозднились. Обещал кормилец встретить, да передумал, станет он ночами блукать. Идут, значит, и вдруг у Черной Аллеи слышат - догоняют их. Поперва обрадовались, окликнули, кто мол, - гул в классе затих, заслушались, - а в ответ плач, жалкий-жалкий. Хотели было подойти, да Дуняша Моталина догадалась спичку запалить. Глянь, а из кустов глаза загорелись, красные, огромные! Поняли бабы - Навьин сын их подманивает, бросились бежать, а он... - закашлялся кто-то и смолк, ошканный, - подбежит ближе, и опять плакать. Бабы друг дружки держатся, он и не может какую схватить. На счастье, разъезд навстречу попался, стрелять начали, отогнали... Вернулась учительница: - Вечерней линейки не будет. День окончен, дети, ступайте. Завтра нам доверена уборка главного убежища, утром по дороге каждый нарвет веник.

- Активу задержаться, Ниниванна? - первая ученица ластилась кошечкой.

- Нет. И ты, Таня, ступай, ступай...

Школа опустела незаметно, расходились чинно, не по-детски сдержанно.

Петров лежал, подложив под голову рюкзак. Избегайте прилива крови к мозгам - и кошмары минуют вас стороной. Также вредно наедаться на ночь. И во всякое другое время суток. Главное - хорошенько расслабиться, дать покой каждому мускулу, связке, косточке, и миг отдыха обернется вечностью, а вечные муки - мигом. Особенно в удобной кровати.

Тяжесть шага чувствовалась и на чердаке. Грузнехонек новый визитер, не пацанва.

- Что, Нина Ивановна, звали?

Вторая часть радиопьесы. Лежи, внимай. Передача по заявкам одинокого радиослушателя.

- Садитесь, сержант. Да, вынуждена побеспокоить: мой мальчик утверждает, что встретил какого-то незнакомца.

- Я уже допросил его, мальчишку, то есть. О возможном проникновении нас предупредили еще ночью. На западной окраине района нашли парашют (ну, этот почище мальчика заливаает), а днем с парашютистом бригада Зайцевой столкнулась (а, бригада. Думал, звено. Какая разница).

- Его остановили?

- Какое, он через них как нож сквозь воду прошел. С одного удара в землю вбивал, обученный, гад.

Потянуло махорочным дымком. Кто курил? Оба?

- Повезло, выходит, Вите.

- Повезло, - согласился сержант. - Сейчас усиленные посты выставим, а с утра прочешем округу, каждый листик

поднимем, перевернем да на свет посмотрим. Нас, кадровых, мало, а ополченцы ночью трусят. Ждем подкрепления.

- Собак по следу пускали?

- Нельзя, Он дрянь специальную применяет.

Собаки бешутся, проводников грызут насмерть, не оттащишь (что верно, то верно. Информирован сержант).

- Будете здесь что-нибудь осматривать? - казалось, учительница спрашивает заданный урок.

- Думаю, незачем. Силы распылять, это он и ждет. Искать надо организованно, массово. Конечно, он тут был - вода у колодца на земле мыльная, и описание мальчика совпадает с имеющимися. Возьмем.

Снова задрожала балка.

- Я пойду. Заявление ваше мы приобщили, мальчонку поощряют премпайком.

- Не это главное, - сухо ответила учительница, но сержант успел покинуть класс.

Полчаса спустя и учительница задвигала стулом, потом звякнул замок в петлях.

Опустел рассадник знаний. Можно встать, потянуться, спуститься вниз. Время вечернее, солнце на закате, красиво. Усталые поселяне вернулись с трудов и вкушают плоды нив и пажитей своих. Самое время подкрепиться. Окошки хоть и не широкие, да уж не застрянет.

4

- Кто идет? Кто идет, спрашиваю? - выставив перед собой винтовку, мосинскую, с беспощадным трехгранным штыком, мужичок настороженно вертел головой. - Стрелять ведь буду!

- Погоди стрелять, - небрежно отвел ствол к земле другой, старший секрета. - В кого стрелять собрался?

- Ну... Шуршит... - неуверенно ответил первый.

- Где шуршит?

- В овраге... - мах руки лукавил градусов на тридцать. Ополченец, охранничек...

Петров стоял у дерева, выжидая, когда очередная туча спрячет месяц.

- Ты сегодня не дури, забудь про бабьи страхи. Человека стережем, ясно? Увидишь его - и стреляй, разве жалко, а попусту шуметь не моги. Понял?

- Понял, - уныло согласился первый. - Я вижу слабо, куриная слепота.

- Зря не колготись, стой смирно, - выговаривал старший. - Раскрываешь секрет, дурак.

Петров оставил пост далеко за спиной, а старший, войдя в раж, все отчитывал бедолагу. Везде одно и то же.

В бараках тьма, окошечки смоляные. Лишь в конторе жгут керосин, густой желтый свет нехотя выползал из-за занавесок. Кумекает правление, бдит. Часовые контору, как елку, обхаживают, хоровод водят. Славно.

Он прошел дальше, вспоминая примечания к аэрофотосъемке. Напротив каждого объекта - вопросительный знак. Или два. Догадайся, мол, сама.

Подземное сооружение - в левом верхнем углу карты. Квадрат А-девять. Попал.

А ну, как не угадал? Блукай ночью, шпион несчастный. Вход - что в овощехранилище. Уходящий под землю спуск, каменные ступени, а дверь железная, банковская. Вторая - потоньше, но отпирается той же отмычкой. Двойной тамбур, очень мило. Воздух застоявшийся, сырой.

Петров пробирался по подземному залу, вода по сторонам электрическим фонариком.

Большой. Если в тесноте - человек на двести. Котлован. Мы рыли, рыли и, наконец, отрыли. Трубы, вентиляционная установка на велосипедной тяге, трехъярусные нары, станки Павловского, скамейки, словно в летнем кинотеатре, баки с водой, затхлоу, старой. Отхожее место, по счастью, в простое. Стены кирпичом выложены, деревянные стойки подпирают низкий потолок. Неграновитая палата. Завтра, вернее, уже сегодня, придет племя младое, незнакомое и благоустроит свежесорванными вениками уют последнего дня. Надо до них и самому что-нибудь сделать, подать пример доблестного освобожденного труда.

5

Предрассветная мгла вязка и непроглядна. Никакой мистики - закатился и месяц, а звезды что? Пыль, дребезги. Горел бы какой-никакой фонарь, но нет, затлеет разве вишнево огонек вдали, знать, караульщик сигаркой затянулся, а спустя вечность долетает: кхе, кхе! Дрянная махорка, но крепка, за версту слышна, зело вонюча.

Петров крался тихо, осторожно. Не хватает ногу подвернуть либо в канаву свалиться. Жмурки - хорошая игра, но не до смерти же, сударь ты мой!

Окошки правления, что сигнал потерпевшему кораблекрушение: два желтых и один зеленоватый, ЖЗ - 1,4. Наверное, абажур на лампе.

Часовой продолжал хороводиться. Охрана по периметру, нахождение часового в нужном месте описывается головоломным уравнением Шредингера. Не знал его никогда, иначе стал бы ночью по деревне бирюком шастать. Все медведи спят, один я не сплю, все хожу, ищу, ищу... Верни, мужик, мою отрезанную лапу!

Петров скользнул в приоткрытую дверь. Висевшая на крюке "летучая мышь" экономно прикрученным фитилем едва освещала спавшего за столом дежурного - по крайней мере, на красной повязке, косо сидевшей на правой руке, виднелись белые буквы "ЖУРН". Журналист, разве?

Миновав соню, Петров толкнул дверь в кабинет. Обивка - дерматин, войлок выбился из прорех.

Два стола, составленные "твердо", а в кресле в углу - широком, кожаном, с валиками по бокам - спал хозяин. И форма поновее, и лицо сытое, гладкое. Первое сытое лицо после Глушиц.

- Эй, землячок, просыпайся! - Петров похлопал спавшего по плечу. - Просыпайся, душа моя, пора!

- А? Что? - гладкий встрепенулся, открыл глаза и вскочил, вытягиваясь. - Мы вас только утром ждали. Как долетели, хорошо?

- Я не летел. Пешком пришел.

- Как - пешком? - капельки гноя скопились в углах глаз, но - субординация, руки по швам.

- Ножками. Топ-топ, - Петров пальцами изобразил шагающего человечка. - Нет ничего лучше пешего похода. Знакомись с родным краем подошвами, подробности открываются - поразительные!

- Вы не... не... - гладкий напрягся, порываясь подняться над полом, будто поддетый сверлом бормашины за чувствительный зуб.

- Я - не, я человек смирный, - Петров отодвинул стул от стола, поставив напротив кресла.

- Кобура - так, для фасона. Посидим, покалякаем, скучно ночь коротать в одиночестве, а за разговорами, глядишь, и утро скорее наступит. Да ты садись, садись. Гостей ждем?

Кресло и не скрипнуло - гладкий опускался осторожно, как на ежа.

- Что урожай, богатый? Хватит на всех?

- А-га...

- Приятно. Надоели, понимаешь, талоны свинячьи, а валюты нет. До слез, бывает, доходит; кушать хочется отчаянно, а - не купишь. С урожаем полегче, авось, станет. Так кого ждем, душа моя?

- У... Уполномоченного.

- На вертолете, небось, прилетит? Как думаешь, меня захватит?

- Нне... Не знаю.

- Не возьмет. Спесьевата новая власть. Старая хоть для вида снизойти могла, а эти... Послушай, а что ты здесь делаешь ночью-то?

- Положено, - глаза гладкого смотрели мимо Петрова.

- Дисциплина? Уважаю. Кроме сони в коридоре еще кто тут есть?

- Есть, - голос усталый, ни торжества, ни злорадства.

Петров оглянулся. В дверях - Нина Ивановна, скромная сельская учительница. В ее руке пистолет "ТТ" смотрелся непомерно большим, тяжелым.

- Вас-то, Нина Ивановна, каким ветром сюда занесло?

- Все в правлении дежурят, по графику, чем я лучше?

- Да, действительно. Позвольте стул предложить, а то неудобно - два мужика сидят, а дама...

- Не подходите, - зрачок пистолета смотрел прямо в лицо Петрову. Ученический кошмар - педагогическая хунта захватила власть.

- Странные вы какие-то. Пришел человек, пусть и незнакомый, а вы - облавы устраиваете, шпионом объявляете.

- Военное время, - пожала плечами учительница. - Разберутся. Не виноват - выпустят.

- Военное время? О чем это вы?

- Как - о чем? - озадаченная Нина Ивановна забыла про пистолет.

- Слава Богу, с сорок пятого года мирно живем.

- Ах, мирно, - учительница вновь прицелилась. - Нет войны, говорите? Нам только кажется, да? И похоронки - обман? И бомбу на нас не бросали?

- Бомбу? Какую бомбу?

- Такую! Атомную, семнадцатого июля одна тысяча пятьдесят второго года, - она подошла ближе, глаза сверкнули отраженным желтым пламенем. - Два села исчезли, испарились, из тысячи сто выжило.

Пора. Петров качнулся на стуле назад, упал шумно, громко, но не громче пистолетного выстрела. Пуля прошла выше, годы есть годы, а повторить не придется.

Он выбил "ТТ" из руки учительницы, выскочил в коридор и, мимо ошеломленного дежурного, - на улицу.

Небо на востоке посветлело, но на земле - потемки.

Он перешел на быстрый шаг, позади запоздало хлестали винтовочные выстрелы, часовому для отчета.

На сереньком фоне показались высокие стойки ворот. Самих ворот нет, ограда - проволока на кольях. Отделение МТС, машинно-тракторной станции. Сеялки, веялки, жатки... Пахло ржавым железом, старой прогоркшей смазкой.

Чу! Бензином потянуло!

Он подошел ближе. Спецмашина, за кабиной - цистерна, массивная, толстостенная. Хочешь - ядохимикаты разбрызгивай, хочешь - удобрения. Все, что хочешь, можно. Исключительно практичная вещь.

Он приоткрыл дверцу кабины. Поедем, нет? Мотор завелся сразу, будто ждал. Только - кого?

Дорога тряская, не разгонишься. Он попробовал включить фары. Нет, не вышло. Пустыки, сейчас солнце встанет.

От медленной, почти на ощупь, езды машина скрипела, потрескивала. Старушка, работающая непраздная старушка. Ничего, расходитесь - удержу не будет. И солнышко краешком показалось.

В зеркале заднего вида - замутненном, со скелетом уголком, показались всадники. Погоня? Могут и догнать, машину в карьер не отправишь, плетется рысью как-нибудь. Могут, но не хотят, держатся поодаль. Пять-шесть, не больше. Не стреляют, зачем свое добро портить, дырывать?

Дорога подобрела, ухабы затянулись, и Петров прибавил скорости. Ходу, ходу, в Староскотинное больше ни ногой. Если повезет.

Дорога шла посреди поля, всадники потерялись в пыли. Начихаются вволю.

Высокое, до свербежа зубов дребезжание стекол перекрыл тяжелый рокот. В груди заныло, защемило. Что за музыка?

Он притормозил, открыл дверцу, выглянул. Над полем завис вертолет - давешний, с красной звездой. Плохо. Шуточки кончились. Одной рукой держа руль, Петров выворачивал зеркало, пытаясь поймать отражение вертолета. Мотор перегрелся, скоро закипит вода.

Едут и смеются, пряники жуют!

Полоса лесопосадки приближалась, но вертолет рос на глазах, вздувался, вспухал. Десять километров и проехали, если спидометр не врет. Четыре девятки выстроились рядом. Знаменательное событие, юбилей. Сейчас откроется счет второй тысячи километров. Всего второй.

Машина подъехала к проходу в посадке и, чуть запоздав, полыхнуло вверху. СНРС. Самонаводящийся реактивный снаряд.

Петров выпрыгнул из кабины, сжавшись, ничего наружу не торчит, но земля твердая, что рашпиль, я колобок, колобок, рядом грохнуло, сквозь зажмуренные глаза коротко вспыхнуло, а дальше - тьма.

Милостивые государи и государыни!

Мое сегодняшнее сообщение целиком и полностью посвящено одной единственной теме - судьбе проекта "Опытная Делянка".

Немного истории. Появление атомного оружия поставило перед правительством нашей страны вопрос: что будет с ним, правительством, после взрыва, когда, переждав положенный срок, "члены" выберутся на поверхность? Кто и как встретит их? Сохранится ли общественная иерархия, или их ждет неуправляемая одичавшая стая? Согласитесь, обидно решительным ударом сокрушить противника, а в награду остатки своего же народа вдруг забросают камнями или, того хуже, съедят? Стоит ли затеваться, кровь проливать?

Сценарии теоретиков не внушали доверия взыскательным заказчикам: они знали истинную цену исполнителям, их стремление угадать желаемый результат и подогнать ответ. Критерием истины признан опыт, его решили поставить, так и родилась "Опытная Делянка".

Порожденная атомным проектом, она зажила своей, особой жизнью, представляя собой секрет секретов, знание которого было знаком доверия исключительного, как мера наказания.

Место подобрали без труда - в стране практически отсутствовали, да и по сей день отсутствуют правдивые крупномасштабные карты местности, обладание же топографической картой расценивалось как тягчайшее государственное преступление. Огромные площади вообще не показывались на картах, искажения практиковались повсеместно "с целью введения в заблуждение вероятных противников, шпионов и диверсантов". Порой нежданную выгоду получал и народ - колхозы распахивали неучтенные площади, чем и кормились. Но это так, к слову.

"Опытную Делянку" наметили разбить в тогда еще Меньжинской области. Среднерусская полоса, плодородие почв и климат близки к Подмосквовью. Район вокруг "Делянки" пропололи, часть жителей по оргнабору вывезли на стройки, другим просто дали паспорта и отпустили в город счастья искать, третьих сослали, четвертых посадили, пятых... Предлог для выселения нашли простой - великая стройка. То ли завод секретный вырастет, то ли море рукотворное.

Село, особенно село сороковых-пятидесятых годов - тот же трудовой лагерь. Работы много, тяжелой, изматывающей, дисциплина казарменная, выходной - слово неизвестное, и что происходит за двадцать-тридцать километров, никого особенно не интересует. Не до того.

Заселили "Делянку" простым проверенным способом: похватили крестьян семьями из Московской, Тульской, Калининской областей, за анекдоты, недоперевыполнение трудодней, кулацкие настроения, проживание под немцем, да и просто так - контингент требовался среднестатистический и состоять должен был в основном из законопослушных граждан. Объявили амнистию, лагеря заменили коротенькой ссылкой, да не в Сибирь, не в Казахстан, а рядышком, поблизости. Наверное, радовались мужики, что отделались испугом - привезли не на голое место, а почти домой, колхоз, он и везде колхоз. Через месяц, перезнакомясь и пообвыкнув, и не смогли бы, поди, сказать, отличается ли новая жизнь от старой хоть чем-нибудь. Разве что письма к ним не доходят, так и не пишут их, верно, кто же пишет осужденным?

Наблюдения за "Делянкой" осуществлялись как изнутри, штатными и нештатными сотрудниками "органов", так и снаружи - наезжавшими "уполномоченными" и прочим начальствующим людом, а в действительности - кадрами проекта.

Бомба, взорванная над "Делянкой", относилась к маломощным, порядка трех килотонн. В областном "Коммунаре" появилась обширная статья о необузданных силах природы - смерчах, тайфунах, грозах и ураганах. В селах близ "Делянки" - то есть на удалении тридцати километров, кое-где повывлетали стекла - и только.

Самой "Делянке" повезло меньше. Предупрежденные воздушной тревогой - время-то суровое, послевоенное, - люди попрятались по погребам и щелям, но из полутора тысяч уцелело около трехсот, из них половина скончалась в первые недели после взрыва. Наземный, он вызвал радиоактивное заражение в эпицентре. Было объявлено, что началась новая война - страны НАТО развязали неспровоцированную агрессию. Никто не удивился.

В связи с военным временем срок ссылки продлевался на неопределенное время, вводился новый режим работы, ужесточились наказания. Сверху пришла помощь, уцелевших больных вывезли на госпитальную базу.

Люди не бунтовали и не дичали. Ведомые активом (разумеется, не зная, что идет не война, а эксперимент), они отстроились и продолжали работать - теперь уже совсем без отдыха, без денег, без просвета - война же. Обладание любой радиодеталью каралось по законам военного времени, общность казарменного быта исключала возможность создания простейшего детекторного приемника - все было на виду. Изредка завозимые газеты и листовки печатались специально для "Делянки",

Изоляция "Делянки" поддерживалась рядом мер. Объявленная запретной зоной, окруженная постами, не знающими, что охраняют, ракетный полигон или госдачу, она находилась в сети информаторов. "Пасечники", "пенсионеры" жили у исчезающих дорог и о каждом случайном путнике сообщали отрядам-чистильщикам, и те без сантиментов решали проблему. На путника напала банда - и, избитый, раздетый, тот поворачивал назад - если зашел недалеко. Если далеко - не возвращался. За сорок лет с момента взрыва удалось отыскать семьдесят четыре заявления о пропавших без вести, осевших в архивах областной прокуратуры, которые можно предположительно записать за "Делянкой". С годами нравы смягчились, и настырных путешественников обычно поили водичкой с добавкой дизентерийного токсина, после чего путешествие оканчивалось в инфекционном стационаре.

Были попытки прорыва и изнутри "Делянки". На поиски беглецов бросались местные активисты, но тем иногда удавалось выбраться за пределы "Делянки". Тут их встречали "пасечники", и человек исчезал. Введенная система заложников, когда за беглеца расплачивалась вся семья, держала крепко, тем не менее достоверно известны два случая помещения в областную психиатрическую больницу "неизвестных", в картине заболевания которых фигурировал бред атомной войны. Оба случая закончились смертью больных в первые сутки "от аллергических реакций на введенные медикаменты".

Круг посвященных в проект "Опытная Делянка" со временем не ширился, а, напротив, коллапсировал. Диссертации типа "Влияние гамма излучений на органогенез в первом триместре беременности" защищали

закрытым советом, а свежее испеченный обладатель ученой степени вдруг скоростно покидал этот мир, на что коллеги сокрушенно качали головами: "Работал в очаге, бедняга. Сгорел". Постоянно шла выбраковка и технических сотрудников. О существовании "Опытной Делянки" знало первое лицо государства, первое лицо государства в государстве и около дюжины непосредственных исполнителей. Остальные, задействованные в проекте - охрана периметра, снабженцы, транспортники и прочая, знали, что работают на сверхсекретном объекте, но каком - лучше и не гадать, полезнее для здоровья.

"Делянка" жила скромно и незаметно, не ведая, что решает вопрос - быть или не быть атомной войне.

На удивление быстро стабилизировалась численность населения - высокая смертность компенсировалась бурной рождаемостью. Выросло новое, военное поколение, для которого вся вселенная ограничивалась деревней и прилегающими полями.

Деидеологизация свершилась незаметно. Власть сосредоточилась в руках "правления" - административной головки колхоза. После взрыва состав правления изменился полностью - прежнее руководство растерялось в хаосе первых часов, и пришли люди, явочным порядком ставшие во главе. Партийные органы исчезли, карательные играли вспомогательную роль. Выращенного на полях едва хватало на относительно сытую жизнь правления и полуголодную всех остальных, и правление не разбухало, зубы не тупились. Центр не вмешивался в происходящее по условиям эксперимента, а ограничивался наблюдением, изредка снабжая правление керосином, бензином, спичками - аналог госрезерва. Неудобных правление "призывало в армию" с последующей похоронкой семье.

Внезапная, внеплановая смена руководства страны торпедировала программу "Опытная Делянка". Опасаясь, обоснованно или нет, нового Нюрнберга, посвященные не передали своим сменщикам тайну "Делянки". А нет программы - нет и финансирования. И новый финансовый год не припас денежек ни "пасечникам", ни "чистильщикам". Отсутствие периметра привело бы к открытию "черной дыры", а находка деревни, пребывающей в состоянии атомной войны - это не Лыковская заимка, пахнет нюрнбергской петлей. Поэтому посвященные решили приступить к эвакуации "Делянки".

Под эвакуацией подразумевалось исчезновение деревни, прежде всего ее обитателей. План эвакуации, разработанный в первые дни возникновения "Делянки", подобно пресловутому портфелю Мольте-старшего, дождался своего часа.

Откуда наша организация узнала о проекте? Первая ниточка потянулась от санитар психиатрической больницы - беглец из "Делянки" убедил-таки его, да так, что санитар молчал все эти годы, благодаря чему сумел уцелеть и сообщить нам о существовании деревенской Хиросимы. При финансовой проверке спецслужб обнаружили лица, регулярно получавшие доплаты "за особо вредные условия труда". Таких оказалось много, но одного "деляночника" отыскать среди них удалось. Выторговав отпущение грехов, тот выдал нам то, что знал. Он и предупредил, что любой прорыв периметра приведет к немедленной "эвакуации" населения в считанные минуты.

Единственное, на что можно было надеяться - это то, что один человек не вызовет экстренной эвакуации: его примут за случайного бродягу и предпочтут завернуть, остановить или убить. Поэтому перед отрядом вторжения был послан один разьединственный человек - собрать сведения, отвлечь внимание на себя.

Пожалуйста, вопросы. Результаты эксперимента "Опытная Делянка"? Судя по тому, что мы с вами выросли и живем, а не взлетели со спокойной улыбкой в стратосферу, как обещал поэт, руководство посчитало, что опыт "Делянки" не слишком обнадеживает. На Западе? Не знаю, мы и свою делянку только-только отыскивали. Хотя... помните Гайану, массовую смерть поселения "сектантов" после того, как туда вылетела правительственная комиссия? Боюсь, наши "деляночники" кончат так же. Господа, господа, конференция не закончена, куда же вы?

Чудно - почтеннейшая публика на глазах съезжилась, уменьшилась многократно, превращаясь в райские создания - тропических бабочек, калейдоскопом закруживших по залу и ярких трепетных колибри. А сам конференц-зал, серый и скучный, обернулся оранжереей - душной, жаркой, бабочки порхали с цветка на цветок, сухо потрескивая огромными крыльями-веерами. Забавно, только что пресс-конференцию давал, и вдруг - оранжерея. Ни орхидей, ни роз - одна герань с приторным назойливым запахом. Мещанский цветок, говорят. Почему мещанский, а не крестьянский или, скажем, купеческий - молчит наука.

Над цветами неподвижно зависли колибри, крохотные длинноклювые птички-щебетуны. Бабочек больше, они крупнее, жестче, и терпеть птичье соседство явно не собирались. Налетели дружно, разом, и пошла-поехала разноцветная ярмарочная карусель - бочки, иммельманы, мертвые петли. На руку капнуло. Не дождь, кровь, алая птичья кровь. И тут же - брызги бесцветной жгучей жидкости, кровь бабочек. Ах, рай, раек. Пора выбираться - если еще не поздно. Делай - раз! Делай - два! Делай...

7

Петров открыл глаза. Песком запылило, пылью? Слезы катились непрерывно, дешевые луковые слезы.

Он пошевелился - сначала одной ногой, другой, затем руками. Цел, ни переломов, ни вывихов. Упал, как учили.

Осторожно подтянув ноги к животу, он встал на четвереньки. Верный Джульбарс опять в строю.

Часы на левой руке, что витрина магазина после погрома - разбиты и пусты. Ладно, плюс-минус неучтенный рентген... Удачно, что на сук не напоролся, собирай сейчас кишки. Влетел в кусты, словно братец Кролик, отлежался - и здоровехонек. Сколько пролежал? Судя по солнцу - полчаса, не дольше. И пресс-конференцию успел дать, и в раю побывать...

Он выпрямился, раздвинул ветви руками.

Машина догорала. Дым занявшейся резины, черный, тяжелый, сплетался с белесым паром, бившим из развороченной цистерны.

Вскипело варево в напалмовом пламени, и теперь из котла Гингемы поднималось грязное, пахучее облако. Выпадет где-нибудь дождиком, и пойдут грибы-гробовики, успевай рвать да хоронить.

Повезло, ветерок тянет прочь, иначе и не очнуться.

Он чихнул раз, другой. Ветер ветром, а толика газа досталась, вон и руки в зудящих пятнышках, и лицо чешется.

Вокруг ни вертолетов, ни всадников. Кому охота травиться ради сомнительного удовольствия констатации факта смерти некоего Петрова, пусть даже и шпиона. Не до того. Близится час "С". Эвакуация.

Он пошел назад, к деревне, на ходу разрывая вытасченный из кармана индпакет, промокая бинтом веки, лицо, руки. Газ не сало, потер - и отстало.

Он возвращался полем, той же дорогой, которой и выбирался из деревни. Казалось, ехал долго, вечность, а ногами за два часа одолел. Никаких полеводов, никаких ополченцев. Оставаться колоскам в большом колхозном поле несобранными.

Короткая колонна двигалась от барачков к убежищу - все в серых плащах-накидках, на лицах - противогазные маски с хоботами, уходящими в болтавшиеся на боку сумки.

- Левой, левой, раз-два-три! - покрикивал мельтешащий на обочине распорядитель. Командовал он не в такт, но колонна ловко, как один, меняла ногу, принаравливаясь к ритмичным восклицаниям вожатого.

В этот радостный день улицы стали шире от проходящих праздничных колонн, украшенных знаменами и транспарантами...

Петров заморгал, сгоняя неиссякающие слезы. Тем, в противогазах, видно куда хуже, но идут...

Он стоял в кустарнике у посадки, листья, касаясь кожи, стрекали крапивой.

Нечего на листья пенять.

За колонной вольно, свободно двигалась группка, человек десять. Отсюда видно - крепкие, ветер не свалит. Правление. Выпадала одна учительница: сухонькая, прямая, она держалась в сторонке, не сливаясь с руководящей массой, и все тянулась к колонне, замыкали которую ее воспитанники, мал мала меньше.

Летучая мышь. Белая ворона.

У входа в убежище колонна остановилась - раз, два! - и четко, сноровисто, перестраиваясь в цепочку по одному, заструились внутрь серые фигурки, уходя под землю песчинками часов-трехминуток.

Закрылась дверь за последним - железо лягнуло о железо. Кучкующееся правление заторопилось дальше. Второй бункер. Ай-ай, как можно было не заметить? Ночь, темно, страшно - отговорки для новичков. Пораскинув мозгами, любой поймет, что нельзя отсиживаться вместе руководителям и руководимым. Да и поглубже, наверное, убежище у правления, поуютнее.

Учительница рассталась с группой у самого входа. Двое протянули ей руки, но та покачала головой - протестующе и в то же время властно. Трогательно - возвращение педагога к ученикам за миг до начала атомной бомбардировки.

И, небесным слоником, у горизонта, вынырнул пузатый вертолет в лишайных пятнах камуфляжа.

Нина Ивановна, не добежав до убежища, упала, прикрыв голову руками, а ветер бесстыже пытался задрать неширокую защитного цвета юбку.

Наши летят, наши.

Деревья закачались, согнулись, сорванные листья воробьями порхнули прочь - вертолет опускался у края поля, и воздух, гонимый винтом, поднимал пыль и сор.

Земля дрогнула прежде, чем вертолет коснулся поверхности. Беззвучно, неслышно за рокотом мотора, просела она широкой округлой каверной. Наступил-таки слоник одной ножкой аккуратно на правленческий бункер. Простите. Недошпионил.

Попрыгали, покатались и стали кольцом вокруг борта семеро из одного стручка. Не семеро, тридцать, бравые спецназовцы Ночной Стражи.

Петров выбрался из кустов и, стараясь не смотреть на усеянные пузырями руки, побрел к вертолету. Запоздало, но оттого особенно зло отозвалось ушибленное бедро, но он не позволил щадиться, хромать. Позже, когда будет ближе теплая ванна, постелька, телевизор, набитый умными, уверенными людьми, не грех и расслабиться, надеть шлепанцы и сесть в кресло у шахматного столика, на котором стоит-ждется позиция партии с Ковалевым, открытое первенство России по переписке. Лучше всего двинуть пешечку на А-четыре.

Майор выбежал навстречу.

- Виктор Платонович, как вы... - и осекся.

- Хорош, правда? - тот усмехнулся, и пузырек в углу рта лопнул, пустив кровавую дорожку по подбородку. - Посылайте отряд к большому убежищу, люди там, внизу.

- Люди?

- Все население "Делянки". Почти все.

С тихим шорохом обваливались края каверны, едкий дым слабо курился в наступившем штиле. Параллельная цепь. Правленцы думали, что взрывают большой бункер, а получилось - только себя. В большом бункере-то ночью шпион потрудились. Хвастун шелудивый.

- Семененко! - позвал майор, но доктор и сам спешил, серебристый чемоданчик в его руке сулил благодать и облегчение.

- Сейчас, сейчас, Виктор Платонович, крышка щелкнула, откинулась, врач замер над открывшимся богатством.

- Что это там горит? - майор кивнул вдаль. - Летели, видели.

- Вещественные доказательства. Автоцистерна с люзитом. Думаю, для страховки держали, закачать в убежище, если что не работает.

Солдаты выбили дверь бункера и нырнули вниз. Разберутся.

- Сначала глаза, - врач закапал из флакона с пипеткой-насадкой. - Побольше, пусть промоет как следует.

Петров дернул головой - жечь стало еще сильнее.

- Все, все, Виктор Платонович, больше не буду, - пена из другого баллончика облепила руки, лицо, врач водил у шеи. Кондитером ему работать, торты к юбилеям украшать.

Петров расставил руки в стороны, глядя, как падают наземь ошметки медовой пены.

- Одежду сменить нужно, - командовал врач.

- Позже. Она защитная.

Люди поднимались на поверхность и, ослепленные солнечным светом, сбивались в беспомощную толпу, рыхлую, аморфную. Дети ожили быстрее других, настороженно-любопытно поглядывали на странно не злых солдат.

- Мы для них сейчас - чужаки, захватчики, - вернувшийся майор озабоченно смотрел на часы, - К полудню автоколонна подойдет. А пока - накормим людей. Желудок, он лучше всего убеждает, кто друг, а кто враг.

Из выгруженных ящиков рослый старшина доставал пакеты и раздавал робевшим людям. Дети и тут побойчее - бережно снята золоченая фольга, надкушена первая шоколадка. Приспособятся.

- Пайки, чай, бундесверовские?

- Что? - майор озадаченно взглянул на Петрова, потом рассмеялся. - Действительно, дали маху. Ничего, пусть привыкают.

Учительница поднялась из ложбинки, отряхнулась машинально от пыли и, отрешенно глядя перед собой, неуверенно приблизилась к остальным.

- Нина Ивановна, Нина Ивановна, вам сюда! - позвал Петров. Не узнала, конечно, но - подчинилась. Горька участь пленника.

- Позвольте представить: майор российской армии, командир отряда Глушков - учитель...

- Власовец, - перебила учительница, презрительно усмехаясь. Держит марку.

- Зачем же сразу ярлыки навешивать, Нина Ивановна? Нехорошо. Непедагогично. Вашего звания, правда, не знаю, думаю, постарше. Или спецзвания сохранили на "Делянке"?

- Не понимаю, - устало ответила учительница. Срослась, сроднилась с ролью.

Майор настороженно смотрел на Петрова.

- Глаза вас выдали, глаза. Вы ведь из зачинателей "Делянки", еще бериевского призыва, не так ли?

- О чем вы? - недоумение естественное, не фальшивое.

- Любой окулист скажет, что у вас иол.

- Что? - майор подобрался, напрягся.

- Интраокулярная линза передней камеры глаза, федоровский хрусталик, иначе. С возрастом катаракта развилась, пришлось отлучаться от подопечных, оперироваться. Днем-то незаметно, а в темноте при свете лампы нет-нет, а и сверкнет глазами, дух захватывает.

Учительница мотнула головой, но майор успел, зажал рот ладонью.

- Ампула в воротнике? - свободной рукой он нащупал ее, улыбнулся. - А мы ножичком, чик - и нет!

Хватит, пора и честь знать.

Петров сел в тень вертолета, стараясь не слышать, как рвется из рук дюжих спецназовцев учительница. Забыв про шоколад, жались к взрослым ребяташки, а те, стараясь не смотреть в сторону вертолета, давясь, глотали вдруг ставшие поперек куски. Ничего, скоро запросите головой выдать - и Нину Ивановну, и других. Хотя... Кто знает.

Подошел врач, бросил пустой шприц в землю, и тот закачался на длинной игле.

Цветик, ягодка моя.

- Пять кубиков реланиума. Едва уgomонилась. А как вы?

- Терпимо, - пробормотал Петров.

- Ничего, до свадьбы заживет, - врач запнулся, покраснел. - Извините, глупость сморозил.

Петров не шевельнулся.

Замереть, не думать, не чувствовать, и тогда, есть надежда, придет, наконец, он - чистый, спокойный сон.

